

Зеев Бар-Селла
ПАРИЖСКАЯ ПОЩЕЧИНА
(Выбранные места из биографии И.Э. Бабеля)

В 1996 году Сергей Поварцов вспомнил свой четвертьвековой давности разговор с Владимиром Брониславовичем Сосинским (1900–1987; настоящее имя: Бронислав-Рейнгольдт-Владимир Брониславович Сосинский-Семихат).

Речь зашла о бабелевском рассказе «Дорога», точнее о том эпизоде, где сказано о поступлении рассказчика в ноябре 1917 года на службу в Иностраннный отдел петроградской ВЧК.

Итак:

«на каком-то писательском собрании Бабель вспоминал: “В свое время мои рассказы о прежней работе в Чека подняли за границей страшный скандал, и я был более или менее бойкотируемым человеком”¹.

В 1970 году русский литератор-эмигрант Владимир Брониславович Сосинский любезно согласился прокомментировать это давнее признание и припомнил следующий эпизод. Когда Бабель однажды появился в одном из парижских кафе, где обычно собирались русские писатели, на него с криком “чекист!” неожиданно бросился бывший “сатириконец” и друг Саши Черного поэт Валентин Горянский. Бабель ответил на пощечину, а скандал получил огласку в эмигрантской прессе. Все же о полном бойкоте говорить не приходится»².

Оказалось, однако, что историей этой Сосинский делился не только с Поварцовым. Годом ранее (точнее, 21 июня 1969 года) он поведал ее Виктору Дмитриевичу Дувакину:

«В. С<осинский>: <...> Бабель обворожил нас с первого же момента и... А должен вам сказать, что эмиграция, эмиграция его встретила в штыхы. Во-первых, в 27-м году первое его появление в “Ротонде” вызвало скандал, который даже проник во все газеты, в особенности в вечерние. Валентин Горянский, бывший сатириконец, друг Аркадия Аверченко, Тэффи и других эмигрантских писателей, нанес ему пощечину с криком: “Чекист!”. Дело в том, что тогда вышла небольшая книга автобиографий советских писателей, и она дошла тогда в Париж, где Бабель писал, что он был чекистом в Одессе. Вот это и сыграло такую роль для встречи его в эмиграции, потому что для эмигранта самое страшное было именно это слово. Бабель, конечно, ответил сразу на его пощечину.

¹ Выступление на заседании правления Федерации объединений советских писателей (ФОСП) 13 июля 1930 г. (ИМЛИ. Ф. 86. Оп. 1. Ед. хр. 5. Л. 1–2).

² Поварцов С.Н. Причина смерти – расстрел: Хроника последних дней Исаака Бабеля. М.: ТЕРРА, 1996. С. 7.

В. Д<увакин>: Ответил?

В. С<осинский>: Конечно! Произошла драка. Ну, в общем, скандал был довольно такой крепкий, серьезный. В общем, эмиграция встретила в итыки»³.

Хотя Сосинский, и уверяет, что «скандал <...> проник во все газеты, в особенности в вечерние», нам удалось отыскать в парижской прессе лишь одну заметку об этом инциденте – в газете «Возрождение», где в то время сотрудничал Валентин Горянский.

Автор заметки – Александр Александрович Яблоновский (1870–1934), признанный моральный авторитет, в сентябре 1928 г. на белградском Первом съезде зарубежных русских писателей избранный председателем Совета Союза русских писателей и журналистов.

ИСТИННАЯ ДРУЖБА

Я слышал, что в «Ротонде» произошел маленький литературный скандал. Вернее даже – скандальчик.

Советский писатель Бабель, который гостит ныне в Париже, подошел к группе эмигрантских писателей и, узнавши среди них своего знакомого по России, В. Горянского, весело протянул ему руку...

Но г. Горянский руки не подал и только сказал не без отвращения:

– Проходите! Проходите! Проходите...

Я спросил у г. Горянского, отчего он так немилостиво поступил с советским писателем.

– Ведь это несчастье, а не преступление – быть подсоветским писателем?

Но г. Горянский принес мне книгу «Писатели», изданную в Москве под редакцией Вл. Лидина<, > и указал автобиографию г. Бабеля, где сказано буквально следующее:

«В 15-м году я начал разносить свои сочинения по редакциям, но меня отовсюду гнали. Все редакторы убеждали меня поступить куда-нибудь в лавку, но я не послушался их и в конце 1916 года попал к Горькому. И вот – я всем обязан этой встрече и до сих пор произношу имя Ал. Макс. с любовью и благоговением. Он напечатал первые мои рассказы в ноябрьской книжке “Летописи” за 1916 г. Он научил меня необыкновенно важным вещам, и потом, когда выяснилось, что два-три сносных моих юношеских опыта были всего только случайной удачей и что с литературой у меня ничего не выходит и что пишу я удивительно плохо, – Алексей Максимович отправил меня “в люди”. За это время я был солдатом на румынском фронте, потом служил в чека, в наркомпросе, в продовольственных экспедициях 1918 г. и пр.».

³ [Дувакин В.Д., Сосинская А.Д., Сосинский В.Б.] О встречах с Пастернаком и Бабелем, немецком плене, восстании на острове Олерон и своей работе в ООН <<http://oralhistory.ru/talks/orh-113-114>>. Ничего нового, за исключением одной ошибки, не добавляет он и в своих писанных мемуарах «Бабель в Париже»: «Как только он появился <...> в монпарнасской “Ротонде”, где проводили время поэты и художники Парижа, один поэт из эмигрантского журнала <sic!> “Возрождение” набросился на него с криком: “Чекист!” – и нанес ему пощечину. Произошла драка, их кое-как разняли» (Сосинский В.Б. Рассказы и публицистика: К 100-летию со дня рождения. М.: Профиздат, 2002. С. 134).

Когда я прочитал эту страничку из автобиографии Бабеля, г. Горянский спросил меня:

– Разве я был неправ?

– Да, теперь я вижу... Малый служил в чека и участвовал в продовольственных грабежах. Этого довольно. Значит, «нерукопожатная» личность.

А интересно все-таки было бы знать:

– Это по программе Горького действовал г. Бабель, или по личной инициативе? Как будто бы, Горький посылал его только «в люди», а в чекисты он сам догадался поступить.

Но с другой стороны, разве не может быть, что под словом «люди» Горький понимал именно «чекистов»?

Считал же он своим «другом» Дзержинского?

Во всяком случае, добрые отношения между двумя сов. писателями не нарушились и после службы г. Бабеля в чека.

И если г. Бабель до сих пор вспоминает о Горьком с «благоговением», то и Горький вспоминает о Бабеле с благосклонностью.

– Свой своему по-неволе брат...⁴

Итак, согласно заметке, никакого рукоприкладства не было! Просто некто протянул знакомому руку, а тот эту руку пожимать не стал, презрительно цедя сквозь зубы: «Проходите – проходите – проходите...»

Такой инцидент даже разглядеть трудно. И совершенно понятна издевательская реакция «Известий», 16 марта 1928 г. откликнувшихся на событие фельетоном Григория Рыклина «Случай с Бабелем»:

«<...> писатель Бабель подошел к своему старому знакомому и беззаботно протянул руку.

И маленький эмигрантик гордо поднялся на цыпочки, посмотрел на писателя и отвернулся. По словам постоянных “очевидцев” из белых газет, на лице Горянского в ту минуту “появилось презрение”.

Похорошел ли от этого Горянский или нет, нам доподлинно неизвестно. Но в эмигрантской среде в одно мгновение приобрел большую популярность. Герой! Смельчак! С таким не пропадешь!»⁵.

И то правда, не к чему было выставлять подобную мелочь на всеобщее обозрение. Ведь даже автобиографические признания Бабеля были новостью для одного лишь Яблоновского. А читатели «Возрождения» знали о них уже целый год – из статьи Владислава Ходасевича «Советское описательство»:

«Итак, признаемся откровенно: особых эстетических радостей нам советская беллетристика не приносит. Если и попадают в ней относительно хорошие вещи, то редко.

⁴ Возрождение. – Париж. 1928. № 1001. 28.02. С. 3.

⁵ Рыклин Г.Е. Случай с Бабелем / Публ. и комм. Э. Шульмана // Вопросы литературы. 2006. № 6. С. 370–371. Приношу благодарность Е.И. Погорельской, указавшей мне на эту публикацию.

<...> Но, к счастью, осведомительная ценность советской литературы обратно пропорциональна ценности художественной: чем хуже, тем проще, точнее, а нам того и надобно. Мы смотрим не на советскую литературу, а сквозь нее на Россию. Наш интерес не художественный, а политический, социальный, публицистический и – увы! – уже почти что этнографический <...> – и естественно, что для нас большую ценность представляют советские “описатели” просто, нежели писатели, имеющие большее или меньшее понятие о творческом преобразении и художественном осмыслении жизни. До мыслей, мнений и чувств, до “философии” какого-нибудь Бабеля нам, по совести, дела мало: не велика невидаль эта “философия” бывшего чекиста (см. его автобиографию: “служил в Чека, в наркомпросе, в продовольственных экспедициях 1918 года...”). Но материал, с которым он оперирует, нам в высшей степени любопытен»⁶.

В высшей степени любопытен и источник сведений В.Б. Сосинского. Рассказом о том, что про службу Бабеля в ЧК Горянский узнал из бабелевской автобиографии, он обязан, несомненно, заметке Яблоновского. А что с пощечиной? Очевидцем события Сосинский не был! Значит... Ничего не значит, поскольку были другие очевидцы, они-то и разнесли слух об имевшем место мордобое.

Отчего же тогда Яблоновский такой колоритный факт утаил? Ответ, полагаю, мы найдем на той же газетной странице – в напечатанном чуть ниже объявлении:

ВЕЧЕР ПОЭТА ГОРЯНСКОГО

Завтра, в среду, 29 февраля, в помещении Русского Клуба (70, рю д-Ассомпцион), состоится, как уже сообщалось, вечер Валентина Горянского, при участии А.И. Мозжухина, А.И. Куприна, Шошанны Авивит, Раисы Оцул и арт. пражской группы М.Х.Т. В.М. Греч, М.Л. Бахарева и А.А. Вырубова. Начало в 21 час.

Таким образом, вечер Горянского был назначен на завтра. А тут по русскому Парижу расходятся слухи об учиненном поэтом скандале.

Мероприятие, слава Богу, состоялось, о чем читателей уведомили неделю спустя:

«29 февраля, в помещении Русского Клуба, с большим успехом прошел вечер Валентина Горянского. А.И. Мозжухин был “в ударе” и не отпускаемый публикой, со сцены, пел много и вдохновенно, под блестящий аккомпанимент <sic!> талантливой Клео Карини. А.И. Куприн сказал краткое слово о Валентине Горянском и прочел превосходную сказку о муравье и слоненке <«Звериный урок» (1927) – Б.-С.>. В.М. Греч и А.А. Вырубов разыграли “В гавани” Мопасана <sic!>. Совершенно исключительное впечатление на публику произвело чтение Шошанны Авивит, отмеченное подлинным трагическим пафосом. Пианистка Раиса Оцул <sic!; правильное написание: «Оцул» – Б.-С.> еще раз показала свою высокую школу и изысканный вкус»⁷.

⁶ Возрождение. 1927. № 632. 24.02. С. 3.

⁷ [Б.л.] Вечер поэта Горянского // Возрождение. 1928. № 1009. 7.03. С.4.

Удивительно: вечер поэта, но никто со сцены стихов не читает, ни один поэт не выступает... Вместо этого маститый прозаик, автор «Возрождения», произносит краткое вступительное слово – это торжественная часть, за которой следует праздничный концерт с участием оперного певца, двух актеров Пражской группы Московского художественного театра, бывшей актрисы «Габимы» и рижской пианистки. И это не друзья поэта, а совершенно ему чужие концертирующие артисты. Так что суть «вечера поэта» совершенно ясна – это рекламная акция газеты «Возрождение», чуть не сорванная неуместным и неприличным скандалом. И целью Яблоновского было свести этот скандал к минимуму.

О Горянском Рыклин глумливо писал:

«Каемся, мы не знаем, кто такой Горянский... Так себе — небольших размеров эмигрант. <...> Белые газеты уверяют, что он писатель. Может быть.

Толстого мы читали. Горянского нет».

Действительно, в российской и эмигрантской словесности Горянский – фигура не самая приметная, до Саши Черного ему далеко... Установлением его биографии мы обязаны Л.А. Спиридоновой (Евстигнеевой)⁸.

Горянский Валентин Иванович – незаконнорожденный сын вологодской мещанки А.А. Александровой, родился в Луге в 1886 году. Вначале носил фамилию Иванов (по имени крестного отца И.Л. Леонтьева-Щеглова). В 1906 году в петербургской газете «Слово» опубликовал первое стихотворение, а с 1913 года стал постоянным автором журнала «Сатирикон», после раскола в редакции перейдя в «Новый Сатирикон». Выпустил два сборника стихов – «Крылом по земле» (1915) и «Мои дураки. Лиро-сатиры» (1916). Первый сборник был встречен критикой благожелательно, а второй весьма сурово. Февральскую революции приветствовал, от Октябрьской в восторг не пришел, хотя в «Красной газете» печатался (1918). Впрочем, в июле 1918 г. перебрался в Одессу, где опубликовал «Поэму о революции»⁹, поносящую большевиков. В феврале 1920 г., ввиду приближения к Одессе Буденного, эвакуировался в Константинополь, оттуда в 1922 г. переехал в Югославию, а в 1926 – в Париж. Печатался в правой газете «Возрождение». Идеологические баталии «Возрождения» и либеральных милюковских «Последних новостей» принесли Горянскому некоторую известность...

Рассказывая о нравах эмигрантской прессы, возвращенец Л.Д. Любимов упоминает следующий эпизод: владелец «Возрождения» нефтяной магнат А.О. Гукасов

⁸ Вначале в диссертации 1964 г. «Развитие русской сатиры в 1907–1917 гг. и поэты “Сатирикона”» и монографии «Журнал “Сатирикон” и поэты-сатириконтцы» (1968), а затем в соответствующих статьях биографических словарей.

⁹ См. рец.: *Вальбе Бор*. Литературный дневник // Одесский листок. 1919. № 211. 31(18).12. С. 4.

«из года в год платил все меньше своим сотрудникам; так что многие из них (например, Бунин, Тэффи) перешли к Милюкову. Следует, однако, отметить, что в своих разговорах с ними он проявлял своеобразную “заботливость”.

Так, у полуслеплого поэта Горянского, вечно голодного, вечно оборванного он осведомлялся не раз:

– Видно, мало кушаете? Опять похудели, батенька.

– Да, мало, Абрам Осипович, – отвечал тот. – Разве на то, что у вас зарабатываешь, можно накормить себя и детей?

– Мясо вряд ли каждый день потребляете?

– Где уж там, Абрам Осипович!

– Сочувствую вам, батенька, искренне сочувствую. <...> Все мы должны нести жертвы. Посчитали, сколько я трачу во имя родины? Вот и вы старайтесь для родной нашей матери довольствоваться скудным своим заработком.

А иногда еще присовокуплял:

— Да у вас, батенька, и выхода нет другого. Вы уж так Милюкова в своих стихах изругали, что он все равно вас к себе в газету не возьмет»¹⁰.

О своем личном знакомстве с Горянским Любимов ничего не говорит и, скорее всего, передает рассказанное другими. В целом же вся эта история более всего напоминает анекдот, каковым, наверняка, и является.

Кстати, зловещее пророчество Гукасова не сбылось: Милюков Горянского принял сотрудником «Последних новостей»...

А вот вспоминает тот, кто Горянского знал лично – Аминад Шполянский, писавший под псевдонимом Дон-Аминадо:

«Сентябрь <1915 г. – Б.–С.> на исходе.

Пришел Валентин Горянский, талантливый, уродливый, тщедушный.

Принёс свою только что вышедшую книгу стихов “Крылом по земле”.

Книга отличная, ни на какие другие стихи не похожая, а похвалить нельзя, неловко: книга посвящена мне; так на титульной странице и напечатано.

Он сияет, а жертва смущена.

Зато Горянский не унимается.

Говорит, что два раза подряд ходил в Камерный театр, где всё еще продолжала идти моя трёхактная пьеска “Весна семнадцатого года”.

Неумеренно хвалит пьесу, обижается, что автор-шляпа назвал её обозрением, перевозносит постановку Азагарова, Татьяну Большакову в главной роли, и в восторге от публики, которая все время “реагирует”...

— Неужели так-таки всё время?

¹⁰ Любимов Л.Д. На чужбине. М.: Сов. писатель, 1963. С. 204.

Валентин Иванов не сдаётся, гнёт свою линию, требует драм, романов, трилогий, говорит, что “строка тебя погубит”, — строка это значит работа на построчных, работа в газете.

Возражать ему трудно, остановить словесный поток невыносимо.

Человек он страстный, искренний, невоздержанный. В стихах целомудрен, в прилагательных и эпитетах расточительно щедр.

Ни один из собеседников не знает, не ведает, что, по прошествии многих лет и долгих десятилетий, Валентин Горянский будет писать в “Возрождении” вымученные пасквили, посвященные тому самому московскому другу, которому была посвящена прекрасная книга “Крылом по земле”.

Никакой личной вражды в этом не было.

“Ряд волшебных изменений милого лица” объяснялся проще и прозаичнее: нужда толкнула поэта к эмигрантскому набобу <А.О. Гукасову – Б.–С.>, которого в стихах и прозе изводили “Последние новости”.

— Война Белой и Алой Розы.

Набоб мечтал о мщени, и приобрел поэта по сходной цене.

Коготок увяз, всей птичке пропасть.

Следующей и последней ступенью был “Парижский вестник”, который на немецкие деньги издавал во время оккупации Жеребков.

Потерявший зрение, почти слепой, голодный, дошедший до крайней степени нищеты и отчаяния, несчастный Горянский со страстью и талантом обливал припадочной жёлчью и бешеной слюной всё, во что когда-то верил и что нежно и бескорыстно любил.

Незрячим глазам не суждено было увидеть вошедшие в Париж дивизии Леклерка, развернутые знамена, обезумевшую от радости толпу.

В раскрытые окна вливались звуки Марсельезы, звенела медь, и мерно и гулко отбивали марши не потерявшие веры батальоны, пришедшие с озера Чад.

Угасающее сердце встрепенулось, забило в высохшей груди и угасло навсегда.

На весах справедливости перетягивает прошлое.

— Мир праху поэта»¹¹.

Замечательную жизненную позицию избрал себе Горянский – нищий, ради куска хлеба готовый на все. А раз так – любые моральные претензии лишаются смысла. Печатался в «Красной газете»? А куда податься поэту, раз только там выдают пайки! «Парижский вестник»? А что – был выбор? Ведь никакой другой русской газеты в Париже не осталось!..

Такой стратегии поведения Горянского, скорее всего, научила мать. 10 августа 1906 года она писала И.Л. Леонтьеву-Щеглову о сыновьих бедах:

¹¹ Дон-Аминадо Поезд на третьем пути. М.: Книга, 1991. С. 185–187.

«Ни на фабрику и ни на завод у него физических сил совсем нет, никогда не был сытым, и не могла я его вырастить таким здоровым, и, кажется, он уже расположен к чахотке <...> умоляю вас, поддержите его»¹².

Вот такая своеобразная личность – проголодавшаяся на всю жизнь... Тем и запомнившаяся.

Но имеется еще одно обстоятельство, свидетельствующее в пользу достоверности инцидента с пощечиной. Дело в том, что с Горянским Бабель, и вправду, был знаком до всякого Парижа. Об этом свидетельствуют мемуары Людмилы Николаевны Лившиц, жены Исаака Леопольдовича Лившица, друга Бабеля со школьной скамьи.

«Не помню, когда Женя и Ися поженились¹³. <...> Они жили на Ланжероне, в маленькой сторожке, среди огородов, опустевших особняков и покинутых дач. Но для молодых Бабелей Екатерина Степановна¹⁴ подыскала две комнаты во вполне благоустроенном доме, на верхнем этаже. Окна выходили на море.

К зиме они все же переехали в город. У них были две маленькие смежные комнаты на Екатерининской улице в доме Маврокардато¹⁵. <...>

Кого только не бывало в этих комнатках! Ежедневно, как на работу, являлся сатириконский поэт Валентин Горянский, прыщавый, неопрятный и какой-то не выпавшийся. Разжалобив Бабеля и вытянув у него ежедневное вспомоществование на жену и детей, он оскорбленно удалялся»¹⁶.

О щедрости Бабеля рассказывала А.Н. Пирожкова:

«Доброта Бабеля граничила с катастрофой. <...> Он раздавал свои часы, галстуки, рубашки и говорил: “Если я хочу иметь какие-то вещи, то только для того, чтобы их дарить”»¹⁷.

При этом никто не упоминает, чтобы Бабель брал кого-либо на содержание, и случай Горянского представляется малопонятным исключением.

Где и когда они познакомились? В белой Одессе Бабель не печатался, а, значит, завсегдаем редакций не был. Даже с Буниным, тогдашним кумиром одесской литературной молодежи, не встретился... Так что с Горянским он, вероятнее всего, впервые столкнулся в Петрограде в 1916–1918 гг. Тем более, что Горянский печатался в массе петроградских изданий, в частности в горьковской «Летописи», где в ноябре

¹² Евстигнеева Л.А. Журнал «Сатирикон» и поэты-сатириконцы. М.: Наука, 1968. С. 263–264.

¹³ И.Э. Бабель и Е.Б. Гронфайн сочетались браком 10 августа 1919 г. в Одессе.

¹⁴ Жена К.Г. Паустовского.

¹⁵ Одесса, Екатерининская ул., д. № 25. Домовладелец: купец 1-й гильдии Матвей Николаевич Маврокордато (Вся Одесса на 1911 г. Адресная и справочная книга всей Одессы. Одесса: Одесские новости, 1911. Стб. 613; Вся Одесса на 1912 г. Адресная и справочная книга всей Одессы. Год изд. 2-й. Одесса: Одесские новости, 1912. С. 193).

¹⁶ Лившиц Л.Н. Из неоконченных воспоминаний о И.Э. Бабеле // Бабель И.Э. Письма другу: из архива И.Л. Лившица / Сост., подг. текста, комм. Е.И. Погорельской. М.: Три квадрата, 2007. С. 110.

¹⁷ Пирожкова А.Н. Я пытаюсь восстановить черты: о Бабеле – и не только о нем. М.: АСТ, 2013. С. 203.

1916 г. увидели свет два бабелевских рассказа. Да и Бабель в эти годы публиковался, кроме «Летописи», еще в 6-ти столичных газетах и журналах.

А теперь перенесемся в Париж 1927 года. Увидев Бабея в кафе «Ротонда», облюбованном русскими литераторами-эмигрантами, Горянский обзывает того чекистом и наносит ему пощечину.

Судя по автобиографии¹⁸, своего чекистского прошлого Бабель не стыдился. Моральное неудобство испытывают нынешние исследователи, которые ни за что не желают Бабелю верить. Оповещают, например, что, согласно справке, выданной начальником ООС Управления Министерства безопасности РФ по Санкт-Петербургу и области Е.В. Лукиным, данное ведомство материалами о службе И.Э. Бабея в ВЧК не располагает¹⁹. Ему вторит начальник Управления регистрации и архивных фондов ФСБ В.С. Христофоров – после многочисленных проверок установлено: Бабель ни в одном из списков сотрудников ЧК, ГПУ, НКВД не значится²⁰.

Подобный *argumentum ex silentio* может быть принят, будь мы уверены в высокой степени сохранности документов начального периода деятельности ВЧК. Но такой уверенности у нас нет.

Еще одно утверждение: Бабель никак не мог в декабре 1917 года служить в Иностранном отделе ВЧК, поскольку сам Иностраный отдел был создан лишь 20 декабря 1920 года²¹! Аргумент этот и вовсе несерьезен. Например, в 1919 г. Иностраный отдел уже существовал, будучи частью Особого отдела. Что же касается времен более ранних, то заниматься иностранцами ВЧК начала с первых дней своего существования. И причина тому весьма проста: в Петрограде находились посольства стран Антанты, всячески препятствовавшие сепаратному сговору большевиков с немцами и выходу России из войны. Потому в рассказе «Дорога» Бабель так и написал о своей работе в ВЧК: «я принялся за перевод показаний, данных *дипломатами*». Понятно, что в рассказе «Дорога», завершнном в 1930 году (авторская датировка журнальной публикации²²: «1920–1930»; внутренняя хронология текста: 1917 + 13 лет), Бабель, не вдаваясь в административные тонкости, присваивает соответствующему подразделению имя, известное читателю.

¹⁸ Писатели. Автобиографии и портреты современных русских прозаиков / Под. ред. Вл. Лидина. М.: Современные проблемы; Н.Я. Столяр, 1926. С. 26–27.

¹⁹ Ковский В.Е. Судьба текстов в контексте судьбы // Вопросы литературы. 1995. № 1. С. 56.

²⁰ Выступление на Международной научной конференции «Исаак Бабель в историческом и литературном контексте: XXI век» 25 июня 2014 г. в Москве (см.: Погорельская Е.И. Биография Исаака Бабея: мифы и реальность // AutobiographiЯ. 2016. № 5. С. 82).

²¹ Freidin G. Two Babels – Two Aphrodites: Autobiography in Maria and Babel's Petersburg Myth // The Enigma of Isaac Babel / Ed., intro., contrib. by G. Freidin. Stanford, Stanford Univ. Press, 2007. P. 32.

²² 30 дней. 1932. № 3. С. 43.

Однако Горянскому совсем не обязательно было черпать сведения из бабелевской автобиографии и ненаписанных еще рассказов – источник его осведомленности мог быть иным. Например, разговоры 1918 года с самим Бабелем о способах выжить в ледяном и голодном Питере: Горянский пошел служить в «Красную газету», а Бабель – переводчиком в ЧК.

А теперь взглянем на поведение Горянского в Одессе:

«Ежедневно, как на работу, являлся сатириконский поэт Валентин Горянский, прыщавый, неопрятный и какой-то не выспавшийся. Разжалобив Бабеля и вытянув у него ежедневное вспомоществование на жену и детей, он оскорбленно удалялся».

На что это похоже? Ни на что другое, кроме шантажа. И какой же повод Бабель мог дать шантажисту? Всего один – служба в ЧК. Повод убийственный, оттого что все пребывание Бабея в белой Одессе прошло под властью Деникина, а, следовательно, – деникинской контрразведки. Для нее еврей и чекист в одном лице – царский подарок.

Так что 7 лет спустя, увидев Бабея в Париже, Горянский мгновенно все просчитал: заклеил писателя криком «Чекист!» и нанес ему пощечину. После этого все слова Бабея о шантаже выглядели бы неловкой мстью за разоблачение.

Бабель не стал ничего отрицать, а ответил действием, оплатив за страх и унижение, пережитые в 1920 году.